

Мария Громыко

Перевод с итальянского языка отрывка из книги Дж. Гварески «Подпольный дневник» (1943—1949)

ПИСЬМО

Нам дали первый бланк – лист с множеством указаний на немецком языке и пропусками, которые необходимо было заполнить на итальянском. Правая половина этого листа отводилась под ответ: следовало быть очень внимательным, чтобы не перепутать между собой две разные части бланка, и разборчиво писать карандашом поверх пунктирной линии, как предписывают международные нормы.

Нам также выдали по одной двусторонней открытке, снабжённой строгими инструкциями на французском языке. Обратная сторона этого гениального почтового приспособления приклеивалась должным образом на посылку, как полагается по всем правилам, что позволяло ей покинуть пределы Италии и доехать до нашего временного места жительства.

Капитан Н. с нотой волнения в голосе пояснил, что всего должно быть двадцать четыре строки, а капитан К. добавил, что нам предстоит вместить в эти двадцать четыре строки, помимо прочего, ещё и детальные указания по содержимому посылки – это заметно усложняло ситуацию. «Придётся быть крайне лаконичными», – подытожил капитан М.

Мы добросовестно приступили к делу, периодически сообщая друг другу, каких результатов достигли в наших изысканиях.

Чтобы узнать, как идут дела дома и на работе, капитан Н., хорошенько поразмыслив, выдал находчивую формулировку: «Сбщ делдом и рбт». Вышел настоящий шедевр краткости, что сразу же уравнило заслуги

капитана Н. с капитаном №2, который, желая получить в посылке от супруги драповый костюм и шерстяные вещи, предложил свой изящнейший вариант: «Пршл драпкост и шерстодеж».

Мы признали пригодным этот телеграфный стиль и перешли к решению самой сложной задачи: объяснить в письме в нескольких словах, как при помощи отправленного бланка собрать посылку весом пять килограммов таким образом, чтобы там не было бумаги, лекарств, горючих жидкостей, но были, например, сигареты, табак, ячменная паста и пшеничная мука.

Наши долгие труды привели к достойному результату: «Сбр 5кил пслк по ½ блнк без бум, лек и горюч. Плж сигартбк, ячмнкрм и пшнмук...».

Это напомнило мне о газетных колонках с частными объявлениями, написанными на особом жаргоне. Не ради смеха я подумал об этих старых газетных страницах, а, наоборот, – с какой-то абсолютно необычной для себя ностальгией. О толстые серые колонки, вы с вашими чудаковатыми словами – будто обрезанными каким-то скупым телеграфистом – рассказывали нам о целомудренных сорокалетних дамах, жаждущих уладить свою личную жизнь с целью замужества; о машинистках, рекламирующих своё мастерство скорописи; о съемных лачугах; о семейных кроватях, ждущих обеспеченных владельцев; о меблированных комнатах с собственной обогреваемой уборной, вожделяющих принять приближенных к власти постояльцев.

О серые колонки, вы вещали нам об автомобилях по спеццене, готовых мягко развезжать по асфальтированным дорогам, виляющим вокруг голубых озёр; о револьверных станках, столь томительно ожидаемых в шумных рабочих цехах; о достойнейших агентствах, выгоднейших сделках, честнейших пенсионерах и предложениях о найме. Раньше я не раз смеялся над вашими странными формулировками, а теперь, вспоминая вас в этом заточении, я испытываю лёгкую ностальгию.

О серые страницы, только сейчас я осознаю, что в этой сумасбродной литературе по десять лир за строчку была своя поэзия: пробирающая, энергичная – поэзия работы, ритма жизни. Услышав странные слова,

выстроенные искусственно для нашего письма, я вспомнил об этой серой странице частных объявлений и о ныне нарушенном ритме жизни. Сегодня я думаю о полностью белом, по-унылому пустом листе, в конце которого написана только одна строчка, безумная и безнадежная: «Ребёнок каждый вечер ищет своего папу, который далеко».

«Зпк 5кил пслк по ½ блнк». Я снова подумал о замысловатых словах, которые встречал в давние времена на последней странице «Коррьере»¹, и о машинистках, семейных кроватях и отапливаемых уборных. Но я не засмеялся и сказал другим, что, на мой взгляд, такая формулировка подходит, и я бы сам её использовал. Затем я покинул это важное собрание и принялся заполнять малюсенькими буквами свои двадцать четыре строки. Я писал карандашом поверх пунктирных линий, как и предписывают международные нормы:

«Моя синьора, зпк 5кил пслк по 1/2 блнк без бумлек и горюч. Зврн шерстодеж, сигартбк и сухкаштн. Но если ты считаешь, что хорошо прожаренные каштаны полезны малышу, не клади их. Мне всего хватает. Прошу тебя лишь об одном: в сочельник накрой настоящий праздничный стол. Попроси вскрыть ящик с посудой и хрусталём; выбери лучшую скатерть – ту новую, с вышивкой; включи все лампочки. Поставь большую ель, увешанную свечками, и не забудь установить вертеп у окна, как в прошлом году.

Моя синьора, мне надо, чтобы ты так сделала. Моя мысль каждую ночь ускользает за решётку – я знаю, тебе сложно представить, как это. Мысль – это дуновение пустоты, у неё нет лица. Так что представь, что это я сам каждую ночь выхожу за этот забор. Представь маленького Джованни, легкого, словно видение, и прозрачного, как ветер во время предельно ясных и морозных зимних ночей.

Каждую ночь я, пока другие спят, доверяю себя воздуху и в стремительном полёте возношусь над бескрайними чужими землями и

¹ «Коррьере делла сера» – одна из старейших итальянских ежедневных газет. – Прим..пер.

неизвестными городами. Подо мной – темнота и грусть, и я с трудом пробираюсь в поисках света и спокойствия. Вижу маленькую фигурку Мадонны на крыше главного собора², но улицы и площади больше не похожи на себя прежних – мне трудно отыскать среди них нашу квартиру на пятом этаже.

Моя синьора, не принимай за обычное безрассудство, что я влезаю в квартиру с крыши. Похвали меня лучше за осторожность, ведь я не решаюсь пробираться через то, что осталось от лестницы. И вообще, кровли почти нет, так что так я доберусь быстрее. Узнаю скелет наших комнат и ищу запрятанные воспоминания под обломками разрушенных стен. Вокруг – темнота, холод и уныние, и только луна позволяет мне различить по клочкам обивки, которая ещё свисает со стены, чёткие следы от рамок и расстановку мебели в наших комнатах.

По безлюдным улицам шагает только страх, одетый в лунный свет. На куске обоев старой прихожей вижу цветочек – причудливый чёрный с пятью лепестками. Синьора моя, помнишь, как Альбертино разукрасил наши стены своей проказливой ручкой, измазанной тушью? Я тщетно пытаюсь разыскать отзвуки тех счастливых дней посреди нашего кабинета. Стен больше нет, и всё большое здание теперь представляет собой тёмную кучу цемента, почерневшую от дыма.

Я убегая из этого тёмного бесшумного города и попадаю туда, где ты – ещё юная девушка – познакомилась со мной. Однако там тоже царит печальная меланхолия, поэтому я ищу утешения в том жалком домишке, где хранятся мои вещи и живут дорогие мне люди. Ты спишь, Альбертино спит, мои мать с отцом тоже спят. Наша мебель беспорядочно загромождает крошечные комнаты, поглощённые тьмой. Внутри пыльных ящиков на чердаке застыли слова в моих книгах.

² Имеется в виду золотая статуя Мадонны (La Madonnina), венчающая самый высокий шпиль миланского кафедрального собора (Duomo di Milano), - символ и покровительница города. – Прим.пер.

Моя синьора, я ищу немного света, немного тёплой безмятежности, но не нахожу ничего, кроме темноты и холода. Во мраке я не могу рассмотреть лицо своего сына. Озёра и пляжи опустели и тоже погрузились в темноту. Вокруг – безмолвие. Я снова направляюсь к своему забору, ложусь на соломенную подстилку со своими холодными, как лёд, костями под номером 6865.

Моя синьора, пусть хотя бы в рождественскую ночь моя мысль, убежав через забор, найдёт тёплый и светлый угол. Пусть будет много света, чтобы разглядеть ваши лица, увидеть прежнюю безмятежность. Должны же быть у заключенного хоть какие-то радости?».

В этот момент мне показалось, что двадцать четыре строки скоро закончатся, и я прервался. На самом деле получилось сто тридцать восемь строк: я заполнил свои двадцать четыре, двадцать четыре, отведённые под ответ, и ещё пять листов сверх того. Крайне старательно я всё стёр и начал заново: «Синьора моя, зпк 5кил пслк по 1/2 блнк без бумлек и горюч. Зврн шерстодеж и сигартбк...». Потом я решил, что, вероятно, под «5кил пслк» цензура заподозрит какую угодно взрывчатую чертовщину, и подумал с грустью, что, как обычно, когда надо писать письмо домой, никогда не знаешь, о чём написать.

Из беседы «Рождество 1943» - лагерь Беньяминов 24 декабря 1943.